

18+

Сергей Баев

Болото

Книга 1. КАТАЛЫ

Сергей Баев

Болото. Книга 1. Каталы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62881506

ISBN 9785005164278

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Есть занятия, о подробностях которых знают только специалисты. Есть миры, недоступные пониманию непосвящённых. Один из них – мир бильярдных «катал». Азарт соединяется с глубочайшим знанием психологии, а техническое мастерство – с потрясающими актёрскими способностями. «Лёгкие победы», требующие кропотливой подготовки; «лёгкие деньги», за которые иногда приходится расплачиваться кровью. Сергей Баев приоткрыл занавес над теневой стороной современного мира – следуйте за автором!

Содержание

Книга 1. КАТАЛЫ	5
ЧАСТЬ 1. УРОКИ КЕГЛЕВИЧА	6
ПАРАГРАФ 1. ДОМ УЧЁНЫХ	6
ПАРАГРАФ 2. ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА КЕГЛЕВИЧА	21
ПАРАГРАФ 3. СПОРТИВНЫЙ БИЛЬЯРД	34
ЧАСТЬ 2. КАТАЛЫ	39
ПАРАГРАФ 1. ПЕРВЫЕ ГАСТРОЛИ	39
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Болото

Книга 1. Каталы

Сергей Баев

© Сергей Баев, 2020

ISBN 978-5-0051-6427-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Благодарности:

Штайнер Елене Александровне за вдохновение, полезные советы, креативную критику.

Баеву Александру Юрьевичу за профессиональный набор, улучшение и грамотное редактирование текста.

Аксельрод Софье Соломоновне за добрую критику и классную редактуру.

Книга 1. КАТАЛЫ

Роман из четырёх книг посвящён всем жителям Томска и основан на реальных событиях.

Попытка использования материала данной книги, полностью или частично, без разрешения автора, запрещается и преследуется по закону.

Автор несёт ответственность за все материалы, использованные в книге.

2011 год.

Любое совпадение имен и фактов считать случайным вымыслом автора.

ЧАСТЬ 1. УРОКИ КЕГЛЕВИЧА

ПАРАГРАФ 1. ДОМ УЧЁНЫХ

Я осторожно двигаюсь по узкой крутой лестнице, она отзывается скрипом каждой ступеньки. Сколько раз приходилось спускаться и подниматься по ним? Наверное, несколько тысяч, точно не помню.

В конце небольшой коридор, ещё несколько шагов и я в бильярдной. Конечно, бильярдной это помещение можно назвать с большой натяжкой, ведь здесь всего два стола. Зато они большие, в прекрасном состоянии, шары совсем новые, наверное, куплены недавно. Каким образом эти столы оказались в подвале Дома Учёных, до сих пор не знаю. Слышал давным-давно, будто бы ректор Томского Университета, страстный любитель русского бильярда, привез их из Москвы в конце шестидесятых годов.

Пока я устраивался в кресле, которому, скорее всего, столько же лет, сколько этим бильярдам, молодой человек тщательно готовил микрофон. Его ассистент установил свет, внимательно проверил аппаратуру, с интересом наблюдая за мной. Я согласился на интервью местному телеканалу ТВ-2 только при условии, что они проведут его в Доме Учёных. А почему здесь?

Причина довольно простая – в этом месте я начал играть в бильярд, именно тут постигал премудрости замечательной игры, здесь провел довольно большой отрезок детства и юности.

– У нас всё готово, – произнёс корреспондент, вопросительно взглянув на меня. В его глазах читался страх, удивление и интерес одновременно.

– Итак, Сергей Александрович, пожалуй, начнём, – вымолвил молодой человек и выдал вступительную, сбивчивую, заранее заготовленную речь:

– Телеканал ТВ-2 снимает серию передач о легендах русского бильярда, наших знаменитых земляках, к которым смело можно причислить и вас.

Он произнёс тираду на одном дыхании и удивился тому, как ему хватило воздуха. Уши свернулись в трубочку при слове «легенды», впрочем, я вида не показал, продолжая слушать нескладуху, которую нёс корреспондент.

– Сколько вы в бильярде? – выпалил первый вопрос молодой человек.

– В 1972-м я впервые попал в эту комнату, таким образом, если сейчас 2012-й, получается сорок лет, – спокойно ответил я.

– И как всё начиналось? – не унимался мальчик с микрофоном.

– Как всё начиналось? – шепотом повторил я, и волны забытых воспоминаний нахлынули, невидимый ком застрял

в горле, а скупая слеза чудом не упала на щеку.

– Как всё начиналось? – я на минуту задумался, подыскивая красивые нужные слова, но те застряли где-то на полпути.

1972 год, лето, вата назойливого тополиного пуха не позволяет вздохнуть полной грудью, асфальт раскалился, а троллейбусы и машины плывут по нему, как парусники в утренней дымке. Закончив восьмой класс, я бесцельно слонялся по двору в поисках новых ощущений. В пионерский лагерь уже поздно по возрасту, а гулять с девочками ещё рано по физиологии. Это в наши дни подростки в шестнадцать лет захлёб читают «Камасутру», знают пару десятков поз, и какой размер презерватива нужен. Я же в те годы считал себя полным нулем. Сидя на одинокой лавочке возле дома с прутиком в руках, я не давал наглому муравью проползти мимо ног. Муравей оказался упорным, и раз за разом преодолевал препятствие, а я снова отодвигал его назад. Такое противостояние могло продолжиться бесконечно долго, ведь я тоже упорный, однако в этот момент из подъезда вынырнул отец и на ходу произнёс, что идёт на репетицию в Дом Учёных.

Отец работал в Университете давно, наверное, лет двадцать. Он занимал должность заведующего лабораторией минералогии и кристаллофизики на геолого-географическом факультете. Лабораторией он руководил более десяти лет, хотя и не защитил даже кандидатскую. Мама же слу-

жила преподавателем в знаменитой музыкальной школе №1, считавшейся в Томске элитной, поступить в которую было не так-то просто, в ней занимались дети исключительно интеллигентской прослойки.

Видимо, настало время приобщить меня к мужским развлечениям, поэтому отец резко остановился и серьезно произнёс:

– После репетиции хочу поучить тебя играть в бильярд. Ты как?

Я был не против, тем более делать совершенно нечего, и мы вместе направились в Дом Учёных.

Чтобы проскользнуть мимо бдительного вахтера, необходимо предъявить документ, а раз отца все знали, он не понадобился. Человек с пропуском мог провести в Дом Учёных кого угодно, поэтому со временем некогда престижный клуб превратился в проходной двор.

– Репетиция продлится два часа, спустись в бильярдную и подожди меня там, погляди, как люди играют. Вот тебе рубль, купи в буфете газировки, бутерброд, если захочешь есть, – скороговоркой выпалил отец, указал на лестницу, ведущую в бильярдную, и скрылся в концертном зале.

– Ну что, Сергуня, появилось желание шары покатать? – поинтересовался дядя Петя, друг отца.

– Я поглядеть, я тут тихо посижу в уголке, я первый раз.

– Запоминай самые яркие, незабываемые первые впечатления, даст Бог, когда-нибудь книгу об этом напишешь.

Новые впечатления оказались такие: во-первых, запах: этот неповторимый аромат немного прокуренной комнаты, он органично перемешивался с запахом мела и сукна. Поскольку отец курил всегда, я запомнил дух сигарет с раннего детства; поэтому уютный аромат бильярдной показался домашним и родным, знакомым и приятным. Во-вторых, ярко-зелёный нежный цвет столов, от них невозможно отвести глаза. В-третьих, завораживающий звук сталкивающихся шаров, иногда предельно звонкий, как колокольчик, изредка глухой, как эхо далёкого грома, эпизодически как бы шорох, похожий на шелест листвы. А самое главное – глаза игроков: они светились неподдельным вдохновением, как у актёров на сцене. Было заметно невооруженным глазом, что сие занятие им очень нравится.

– А где Сан Саныч? – спросил дядя Петя.

– Он на репетиции, через два часа освободится.

– Как школу закончил?

– Нормально!

– Вот мой Лёшка, да ты его знаешь, тоже утверждает, что нормально, а у самого одни тройки. А у тебя как?

– У меня одна четвёрка.

– Остальные тройки?

– Нет, остальные пятерки.

– А четвёрка по какому предмету?

– По физкультуре, не люблю прыгать, бегать, отжиматься.

– Значит, смотри сюда, если намерен прилично играть,

а ты хочешь, вижу по глазам, – рука должна быть твёрдой и ноги должны быть сильные, чтобы наматывать километры вокруг стола. Понял?!

В бильярдной комнате находилось несколько человек: дядя Петя с партнёром, за соседним столом сражались двое молодых парней, наверное, аспиранты и в противоположном углу за столиком с кружкой пива сидел старичок лет ста пяти, похожий на академика.

Папин друг закончил играть, гордо подрулил к партнеру и получил с него пять рублей. Мне это показалось странным, потом я понял: бильярд – игра на деньги.

– Ладно, Сергей, пока Сан Саныч душит на сцене Дездемону, поучу тебя немного, – решил выступить в роли тренера дядя Петя. – Вот эта палочка-выручалочка называется кий. Ею бьют по шарам – вот так, можно так, иногда так. Теперь бери кий и попробуй ударить по шару. Да не этой рукой. Ты левша? Тогда извини. Давай минут пятнадцать поупражняйся, а я прогуляюсь до буфета, пивка выпью, вернусь, сыграем, – вымолвил дядя Петя и удалился.

Он отсутствовал около часа, похоже, одной кружкой не удовлетворившись. За час я сделал примерно ударов двести-триста, начал кое-что понимать, усердно старался не тыкать кием в стол, попробовал удары разной силы и в разные точки шара, в общем, с каждой минутой игра всё больше и больше нравилась.

Отцовский друг вернулся несколько навеселе:

– Ну что, натренировался?

Не зная, натренировался или нет, тем не менее, играть согласился.

– Деньги есть; а то, может, на щелбаны собрался шары катать?! В бильярд играют на деньги и только на деньги, запомни это!

– У меня один рубль.

– Хорошо, на него и сыграем, три партии. Как говорится: проиграл – плати, выиграл – получи. Согласен?

Я чувствовал, что готов на всё, лишь бы поскорее снова взять в руки кий.

За соседним столом один из аспирантов промахнулся и с обидой произнёс:

– Опять кикс!

Значит, когда промахиваешься, это ощущение называется «кикс». Слово мне понравилось.

Дядя Петя установил пирамиду и предложил разбивать.

– Слушай внимательно. Играем в «американку» – любым шаром бьёшь любого, главное, первым положить необходимое количество.

– Почему «американка»?

– Всё довольно просто! Во время гражданской войны Севера и Юга в Америке была ужасная неразбериха; непонятно, кто свой, кто чужой, поэтому все били всех, – пояснил доцент кафедры всемирной истории Петр Иванович.

Прицелившись в шар с крестом, в биток, как потом мне

пояснили, я послал его в сторону пирамиды, однако кий неожиданно соскочил, видимо, от чрезмерного усердия. Биток едва докатился до пирамиды и встал. Взглянув на него, я громко произнёс:

– Кикс!

Доцент удивленно покосился:

– Да, кикс, откуда ты знаешь?

– Не задавайте вопросы, играйте. Ваш удар! – почти раздражённо ответил я.

Папин друг лупанул по битку, и шары рассыпались по всей поляне, один из них залетел в лузу дураком; затем он с силой заколотил ещё два шара и на этом угомонился.

Настала моя очередь играть. Не зная, что предпринять, я отправил шар в сторону боковой лузы, где прилипли «зайцы». Удар получился смачным, и опять шары забегали по всему столу.

Оглядев поле битвы, я серьезно произнес:

– Опять кикс?

По непонятной причине все начали весело хохотать, а старичок-академик подошёл и торжественно произнёс:

– Добро пожаловать в мир бильярда! У нас тут своя сплочённая компания, и мы станем звать вас Серёжа Кикс!

Нет смысла рассказывать, как проходила моя первая игра. Понятно, я продул все три партии с сухим счётом, однако, отдавая рубль, поклялся: настанет день, и я выиграю у него не только один рубль, но и тысячу!

Так и случилось ровно через три года.

После игры старичок представился:

– Профессор Кеглевич из мединститута, бильярдная кличка «Штаны», люблю, знаете ли, забивать два шара одним. У вас, молодой человек, большие способности. Я тут каждый вечер, появится желание, заходите, кое-чему научу. Наконец репетиция закончилась, и отец спустился в прокуренный подвал, а у меня началась страстная любовь к бильярду, причём любовь с первого взгляда!

Игровая компания, о которой обмолвился Кеглевич, по обыкновению собиралась вечером в пятницу. Надо сказать, что она оказалась весьма разношерстной: от юных аспирантов до седых профессоров, а объединяло их одно – бешеная любовь к игре.

В бильярдную тусовку Дома Учёных входило человек двадцать пять постоянных игроков и ещё столько же посещающих клуб время от времени. Отец, хоть и играл неплохо, однако в эту «мафию» не вписывался, поскольку постоянно был занят: то в народном театре, то ещё в каких-то общественных мероприятиях, то уезжал в выходные посидеть на берегу озера – ведь его стихией всегда была рыбалка.

На следующий день в пятницу я решил навеститься в бильярдную, надеясь чему-то научиться. Двери Дома Учёных открывались в девять утра, потому как в это время начинались занятия различных кружков. В десять я маячил у входа и тут же оказался в поле зрения бдительного глазастого вах-

тёра. Тот меня узнал и, на миг оторвавшись от вчерашней газеты, лениво махнул рукой, давая зелёный свет. Наверное, он смекнул, что я иду на занятия в какой-нибудь кружок. Но, прошмыгнув по коридору, я быстро спускаюсь по лестнице в бильярдную. К моему удивлению Кеглевич находился уже там.

– А, Сергей, доброе утро! Рад вас видеть. Пока никого нет, давайте приступим к обучению, если вы конечно не против? – скороговоркой прошептал профессор, как будто заранее заготовил необходимый монолог.

Не знаю, чем я понравился, но он вознамерился сделать из меня настоящего бильярдиста. Начали с азов, с того, как правильно держать кий, метко прицеливаться, стоять у стола, грамотно ставить упор, бить по шарам, и много чего ещё. Слушая предельно внимательно, я повторял несколько раз всё, что он показывал, и через пару часов более-менее сносно мог бить по шарам. В тот день понял одну простую вещь: важно, чтобы с самого начала занятий рядом находился тот, кто поможет, покажет, расскажет, как всё надо правильно делать. Если бы я самостоятельно осваивал сложную технику, подглядывая за опытными игроками, то, конечно, чему-нибудь научился, но на это ушло бы несколько месяцев, а может, и несколько лет.

В два часа мы отправились в буфет, выпили по чашке кофе и зажевали бутербродами – у Кеглевича подобный перекус назывался обедом, затем урок продолжился.

Голова шла кругом от обилия новых терминов и технических приёмов, тем не менее, я ощущал прилив счастья и, как губка, впитывал необходимую информацию.

В пять пятнадцать он, наконец, остановился и серьёзно произнёс:

– Так, на сегодня вполне достаточно, тем более, сейчас потянутся завсегдатаи, не хотелось, чтобы кто-нибудь видел, как проходят уроки.

Его слова показались весьма странными, впрочем, я ничего не стал спрашивать, вежливо попрощался и пообещал явиться завтра с утра.

На следующий день упорные занятия продолжились, и так длилось два с лишним месяца, вплоть до первого сентября. Такое долгожданное лето пролетело быстро, как курьерский поезд.

Я продолжил учёбу в девятом классе, а профессор приступил к работе после летнего отпуска, тем не менее мы три раза в неделю встречались в бильярдной. К началу октября Лев Давидович объявил о моей готовности сыграть с кем-нибудь из членов клуба.

Дебют должен был состояться вечером ближайшей пятницы, с неперенным условием, что уроки останутся в тайне. Сказано – сделано!

Через два дня около семи вечера я, как бы случайно, заглянул в Дом Учёных. Там давно кипели нешуточные страсти: новый член клуба, очевидно, младший научный сотруд-

ник одной из лабораторий Университета, буквально рвал доцента из Политеха, постоянного игрока местного коллектива. Ставка составляла довольно приличную сумму, двадцать пять рублей, если учесть, что оклад младшего научного сотрудника – 130. Народу собралось человек пятнадцать: все издевались, злобно улюлюкали, громко кричали и яростно болели против новенького, а тот технично положил шесть шаров и спокойно отошёл в сторонку. Доцент тотчас возбудился, встрепенулся, как петух, и принялся бегать вокруг стола, как раненый зверь, выискивая подходящее направление атаки.

Кругом сыпались советы, иногда дельные, а в основном никчемные, тем не менее, он всё никак не мог принять нужное решение. МНС тем временем прислонился к стенке и терпеливо ждал, наслаждаясь произведенным фурором. Шутка ли, он выигрывал у одного из самых продвинутых игроков. Наконец, доцент на сильной резке вколотил чужого в среднюю лузу; тут же все ахнули и глубоко вздохнули с облегчением.

– Давай, Палыч, покажи молодым, как надо шпилить, – неистово орали кругом. Но преподаватель Политеха по прозвищу Утюг, – ведь он работал на электрофизическом факультете, – окрылённый неожиданным успехом, чуть-чуть поторопился и смазал верного свояка в угол.

Болелы, они же живая очередь играть с победителем, ждали, что предпримет новенький. А тот не спеша проследовал

к столу, спокойно намелил кий, взглянул на расклад и нахально отыгрался. Невероятно, поскольку в бильярдной Дома Учёных считалось плохим тоном использовать выжидательную тактику.

Утюг опять забегал вокруг стола, высматривая хотя бы свояка. Однако большинство шаров прилипло к бортам и на игре ничего не стояло. Проблема Палыча заключалась в том, что он совершенно не умел забивать бортовые шары. На длинном борту выстроилась рядком тройца, и имело место большое искушение тупо катнуть их в сторону угловой лузы, в надежде, что хотя бы один в неё нырнет. Так он и сделал, впрочем, немного не рассчитал силу удара, в результате первый шар из тройцы застрял в лузе, сидит и ножки свесил. Явная подставка.

МНС небрежно подрулил к столу, глубоко вздохнул и тихонько скатил два необходимых шара в угол. Победа 8:1! Доцент смачно матюгнулся вполголоса и нервно полез доставать сиреневую банкноту.

Следующим по очереди соперником наглого новичка оказался Лев Давидович. Молодость против старости, лихой азарт против тонкого расчёта, наглость против опыта! Сторговались на зелененькую – пятьдесят рублей. Вся бильярдная компания знала непревзойдённый класс игры профессора, поэтому в исходе поединка никто особо не сомневался. Кто-то направился в буфет охладить накалённые нервы, кто-то с наслаждением закурил, а кто-то, тем не менее, с инте-

ресом наблюдал за игрой. Устроившись возле стенки, я глядел на этот бесплатный цирк, ожидая с волнением очереди. Полноватый мужчина, похожий на проректора по хозчасти, шёпотом утвердительно декларировал:

– Сейчас мы увидим избиение младенца!

Разыграли первый удар. Разбивать выпало Кеглевичу, тот тщательно установил шары, поставив биток на длинный борт. Я ни разу не видел, чтобы так разбивали пирамиду, поэтому внимательно следил за происходящим. Несмотря на семьдесят три года, он обладал хлестким, хорошо поставленным, точным ударом. Вот таким макаром он направил биток в пирамиду между первым и вторым шарами. Лобовой шар полетел направо в среднюю лузу, а пирамида разлетелась на своей половине под партию. Семь или восемь шаров стояли на игре, в такой ситуации собрать партию с кия было не такой уж сложной задачей.

Профессор не торопясь положил семь шаров и тихо произнёс:

– Партия.

Евгений, хоть и считал себя классным игроком, тем не менее, открыл рот от увиденного, да так бы и стоял столбом, но слово «партия» вернуло его на землю. Кеглевич получил выигрыш, аккуратно положил деньги в портмоне и не спеша отправился в буфет, уступив игру следующему по очереди.

Только через час я получил возможность подойти к столу. Мне противостоял высокий мужчина средних лет с коз-

линой нелепой бородкой и усами; видимо, за это его и прозвали «Троцкий». У меня в кармане было только пять рублей, накопленных со школьных обедов, поэтому играли одну партию на эти деньги. Я не очень хорошо запомнил дебют, замечу лишь, что продул 3:8.

В общем, на протяжении следующего года я больше проигрывал, чем выигрывал, тем не менее, набирался необходимого игрового опыта.

Занятия продолжались вплоть до десятого класса, а если точнее, до весны. Впереди маячили выпускные экзамены, поэтому было решено на время приостановить уроки бильярда.

Школу я закончил в 1974 году с приличным аттестатом: только три четверки, остальные – пятерки. После выпускного бала встал вопрос, куда поступать? Я пребывал в некотором замешательстве. Отец уговаривал поступать на геолого-географический факультет, а мама сказала, что «пустить решает сам». В итоге, я обратился за советом к Кеглевичу. Созвонившись, мы условились встретиться в бильярдной.

ПАРАГРАФ 2. ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА КЕГЛЕВИЧА

Вернёмся на минутку к интервью.

– Сергей Александрович, а теперь ответьте, пожалуйста, на следующий вопрос. Существовал ли в вашей бильярдной карьере тренер, наставник, учитель? – спросил корреспондент, заглянув предварительно в записную книжку.

– С тренером я никогда не занимался, а вот учитель был, царство ему небесное, Лев Давидович Кеглевич. Замечательный человек, учёный и выдающийся бильярдист, – выпалил я заранее заготовленный ответ. «Вот я сейчас возьму и как на духу поведаю, что Кеглевич на самом деле катала из катал», – мелькнуло в голове. А вслух произнёс:

– Профессор Кеглевич не обладал никакими спортивными званиями, никогда не участвовал в турнирах, тем не менее, игру чувствовал буквально кожей. Поверьте, молодой человек, таких профессионалов можно по пальцам пересчитать. Он, как настоящий артист, наслаждался бильярдом, играя только в своё удовольствие.

По-моему, сказано убедительно, надеюсь, неопытный корреспондент поверил. Зачем посторонним знать правду о Льве Давидовиче Кеглевиче?

Итак, возвращаемся в 1974 год. У меня назначена встреча с профессором в Доме Учёных. Я старался всегда быть

пунктуальным, поэтому ровно в десять находился на месте. Профессор ждал меня с нетерпением.

– Здравствуйте, Сергей, искренне рад вас видеть, – нежно улыбаясь, он протянул руку и поближе придвинул пустое кресло.

– Доброе утро, Лев Давидович, как ваше драгоценное здоровье?

На этом дежурные фразы закончились и наступила пора перейти к нормальному, серьёзному разговору.

– Серёжа, давайте немного поговорим о бильярде. Я хочу кое-что рассказать, – таинственно начал профессор.

Об этой игре я мог говорить часами, поэтому быстро кивнул и наострил уши.

– Вы вполне взрослый человек, поэтому буду с вами полностью откровенен, при условии, что этот разговор останется между нами. Идёт? – продолжал интриговать профессор.

Изобразив серьёзное лицо, я произнес как клятву:

– Конечно, идёт, Лев Давидович!

Он продолжал излагать мысли предельно серьёзно, видимо, беседу давно продумал до мелочей:

– За два неполных года я научил вас всему, что умею. Теперь вам нужна игровая практика. За год игры в Доме Учёных вы получите её в избытке, коль скоро не станете лениться, а будете постоянно играть, причём со всеми. Лучше всего, если вашими партнёрами окажутся бильярдисты классом сильнее. Только так можно расти в техническом плане.

– Да понял я вас, Лев Давидович.

– Не перебивайте, просто внимательно послушайте. Знаете, кто такие каталы?

– Ну, каталы – это карточные шулеры, у которых пять тузов в рукаве. Они с помощью разных хитрых приёмов всех надувают.

Профессор по-отечески улыбнулся:

– Правильно! Однако встречаются каталы не только карточные, бывают и бильярдные. Причём бильярдные каталы намного умнее и изворотливее. Они настоящие знатоки человеческой сущности. Это в высшей степени отличные психологи!

Я в изумлении открыл рот, но он назидательно продолжал:

– Бильярдный катала играет на струнах человеческих слабостей, таких как зависть, жадность, жалость и других, даже ненависть. Используя в свою пользу человеческие пороки, он заставляет людей проигрывать огромные деньги. Наверное, слово «заставляет» не совсем подходит. Уверен, катала так ухитряется манипулировать партнёром, что тот сам жаждет расстаться с деньгами. Методов манипулирования сотни, если не тысячи, поэтому обычный игрок, даже с хорошей техникой, не в силах ему противостоять. Подобные жулики существовали всегда, столько лет, сколько существует эта игра. Чем быстрее развивается бильярд, тем больше катал, особенно в нашей стране, где народ в большей степени падок

на халяву. Людьюми бессовестно манипулируют, их нагло обманывают на каждом шагу, а они снова и снова хотят быть обманутыми. Психология манипулирования человеком – целая наука, освоенная каталами в совершенстве.

Я притих и слушал, открыв рот, ведь ни о чём подобном до этого момента даже не подозревал. Мысли превратились в полный винегрет, вопросов в голове тьма, а главное – совершенно непонятно, зачем профессор мединститута рассказывает о каталах?

– Посиди тут немного, подумай над моими словами, попробуй, если сможешь, переварить услышанное, а я прогуляюсь до буфета, принесу по чашке кофе, – спокойно произнёс профессор и удалился.

От напряжения разболелась голова, – так, между прочим, случалось всегда, когда я что-то не мог осмыслить. Я много раз слышал о психиатрии, о психушках, однако о психологии не знал вообще ничего, тем более о психологии манипулирования. Как-то в прошлом году Лев Давидович взял в спецфонде научной библиотеки книгу о психоанализе и дал почитать. Автором оказался какой-то незнакомый ученый, кажется, Фрейд, рассуждающий об Эдиповом комплексе и комплексе Электры. Изданий по психоанализу, как и самой науки, в стране вообще не существовало, всё же хранилось несколько переведённых книг в библиотеках мединститута и университета.

Лев Давидович поставил на стол чашки с кофе. После

нескольких глотков я немного очухался, пришёл в себя и задал мучивший вопрос:

– Профессор, зачем вы рассказываете про катал, про манипуляции?

– Всё довольно просто. Дело в том, что я и являюсь самым настоящим каталой. Наберитесь терпения, послушайте ещё несколько минут и, пожалуйста, не перебивайте. Много лет назад, закончив мединститут, я поступил в интернатуру и постоянно ощущал голод, постоянно хотелось есть. Родители надрывались преподавателями в университете, тянули из себя последние жилы, много работали, однако их зарплат всё равно не хватало. К тому же, с нами жила старенькая бабушка и младшие сёстры. Однажды я понял: в этой стране, чтобы жить в достатке, надо родиться сыном члена ЦК КПСС, либо придумать маленький гешефт, проще говоря, бизнес. И я придумал! Кстати, Серёжа, как вы относитесь к евреям?

– Нормально отношусь. Помню, каждый день в течении десяти лет ходил в школу и только недавно узнал, что в нашем классе учились еврейский мальчик и две еврейские девочки. Мы как-то об этом никогда не задумывались. Ходили в одну школу, дружили, много времени проводили вместе.

– Ладно, вернёмся к моей биографии. Слушайте, что было дальше, это довольно интересно. Я быстро написал и защитил кандидатскую, это произошло через два года после окончания мединститута, потому как все пять лет, начиная

с первого курса, занимался в научном студенческом обществе. За эти годы набралось много практического материала, который необходимо просто проанализировать и оформить в виде диссертации. Таким образом, в двадцать пять я стал кандидатом медицинских наук в области психиатрии, оставлен на кафедре в должности старшего преподавателя. Однако я не хотел заниматься со студентами и переквалифицировался в гематологию, перейдя на работу в одну из лабораторий при мединституте. Вот там открылась перспектива настоящей научной работы, а главное, появилась возможность ездить по стране на различные научные симпозиумы и съезды, которые проводились семь-восемь раз в году в различных уголках Советского Союза. Я не пропустил ни одной конференции, ни одного съезда. Чувствуете, куда я клоню? За два-три года такой деятельности, я побывал во всех крупных городах нашей необъятной родины. Теперь о бильярде. Его я любил всегда, начал играть с тринадцати, и к двадцати годам мне не было равных. Впрочем, в Томске никто не хотел играть со мной на деньги, ведь все знали мою технику. Появилась необходимость в оперативном просторе, другими словами, надо было гастролировать по всей стране, и такой шанс появился, когда я участвовал в научных конференциях и симпозиумах. Практически раз в два месяца, а то и чаще, я куда-нибудь отправлялся: то в Ленинград, то в Киев, то в Одессу, то ещё куда-нибудь. Первые два года научных командировок были потрачены на то, чтобы договориться

с бильярдными маркерами в разных городах, в тех бильярдных, где шла игра на большие деньги; те соглашались сводить игру, за что получали пятьдесят процентов от выигрыша. Существовало, впрочем, одно жёсткое условие: в целях безопасности играть можно было только с тем, на кого укажет маркер-наводчик. Проигрывать, знаете ли, никто не любит, ну а люди, связанные с криминалом, тем более, победив такого соперника, можно запросто лишиться не только денег, но и жизни, поэтому приходилось строго следовать заданному правилу. За вечер подготовленной игры мы зарабатывали по 500—700 рублей каждый. Согласитесь, это хорошие деньги по тем временам, если учесть, что проезд, проживание и питание – всё это за счёт государства, в виде командировочных. Маркерам такая прибавка нравилась, если учесть, что их работа заключалась в том, чтобы подать знак в нужный момент, указав на очередную жертву. Ввиду огромной географии проведения научных симпозиумов, в данной бильярдной я мог появиться, в лучшем случае, через год-два, к тому же, меня никто не запоминал, поскольку я изображал серого, незаметного, жадного командировочного еврея. Человеческий порок, часто используемый мной, называется антисемитизм. Ненависть к евреям процветала в Союзе бурным махровым цветом.

Представьте следующую картину. В одну из бильярдных города Ленинграда невзначай заходит невзрачный интеллигент с ярко выраженным шнобелем, осторожно осматрива-

ется и плетётся в бар, якобы перекусить. В баре как бы случайный посетитель тихонечко ставит на стул потёртый портфель, будто в нём хрустальная ваза, и направляется к стойке. Бармен внимательно наблюдает за клиентом и, как бы между делом, спрашивает:

– В командировке в нашем городе или как?

– Я, знаете ли, на конференцию прибыл из Красноярска, ну, ещё на ЛОМО имеются некоторые дела, извините, – мямлит приезжий.

Теперь запомните, как выглядит наш интеллигент-еврей. Во-первых, внешний вид, так сказать, образ: обязательный атрибут – очки с толстыми линзами на носу. Один знакомый оптик сделал мне на заказ «шпионские» очки с толстыми стёклами, но без диоптрий, зато всем кажется, что я в них слепой, как крот. Во-вторых, одежда: в командировки, на симпозиумы я всегда беру старый неглаженный костюм с засаленными локтями и пузырями на коленках. Для ненормальной учёной братии подобный прикид выглядит вполне нормально, а у обычных людей такой внешний вид порождает только жалость. Еврей, как правило, вызывает неприятные мысли о жадности, экономности, неопрятности. Однако уверяю вас, жадность не имеет национальности и одинаково присуща большинству людей на этой грешной земле. Вот так-то внешний вид, случайно зашедшего в бильярдную неприметного интеллигента еврейской национальности.

Пока наш научный сотрудник отхлёбывает дешёвый кофе,

бармен ведёт скрытый допрос:

– А на ЛОМО у вас какие дела, если, конечно, не секрет?

Доверчивый интеллигент осторожно откусывает бутерброд и откровенно признаётся, что на Ленинградском оптико-механическом объединении ему поручено приобрести за наличные десяток особых линз для разрабатываемого новейшего лазера.

– По безналичному расчёту, знаете ли, это долго, все предоплату требуют, а так, заплатил и тут же забрал линзы. Новый лазер с перестройкой частоты, работающий на кристаллах с центрами окраски с поперечной накачкой – тема моей кандидатской диссертации, – отвечает интеллигент, поправив очки, при этом похлопывая по внутреннему карману потёртого пиджака, давая понять, что именно там находятся наличные, полученные в бухгалтерии Красноярского Университета.

Бармен понимающе кивает, хотя совершенно не в курсе, что такое лазер, тем более с поперечной накачкой; слово «наличные» заводит его, заставляя продолжать допрос.

– Всё понял, вы и доклад делаете по этой теме?

– Уже сделал! Сегодня утром, позвольте заметить, произвёл фурор в вашем ЛГУ, – с гордостью заявляет интеллигент.

Так ни шатко, ни валко протекает беседа. Интеллигент запикивает в себя очередной бутерброд, а бармен продолжает вытягивать из него необходимую информацию. В итоге всем

станет хорошо: бармен даст отмашку местным каталам, чтобы те по максимуму общипали пассажира, за что получит долю, они накажут жадного еврея, и только будущему кандидату наук станет ужасно плохо, поскольку из Ленинграда он уедет в одних трусах.

Такие мысли, или почти такие, крутились в голове бармена по прозвищу «Борман» – за умение без пыток выуживать из лохов ценные сведения. Но как заставить еврея подойти к бильярдному столу? Этот вопрос не давал бармену покоя. И вот в нужный момент тот, как бы невзначай, спрашивает:

– А вы бильярдом случайно не балуетесь?

– Играл, знаете ли, немного. Правда, сие случилось в далёкие студенческие годы. А у вас тут, наверное играют на деньги?

– Да какое там, так ребята гоняют шары по пятёрочке, по десяточке. По взрослому мало кто играет.

Всё, ловушка захлопнулась. Интеллигент рассчитался за кофе и бутерброды, намеренно продемонстрировав бармену туго набитый бумажник. У «Бормана» от такого денежного натюрморта аж в горле пересохло и сердце учащённо забилось.

Не сомневайтесь, через две минуты вся бильярдная уже в курсе о деньгах и о лохе-еврее, который раньше немного играл в бильярд.

Еврей тоскливо оглянулся на бильярдные столы, намереваясь встать и уйти, однако к нему подрулил приятной на-

ружности товарищ и спокойно предложил:

– Может, сыграем партийку-другую?

«Научный сотрудник» на секунду задумался, что-то быстро посчитал в уме, как бы между прочим взглянул на маркера, часавшего затылок – знак, что с этим можно играть, вздохнул и вымолвил:

– Часок у меня имеется. Пожалуй, давайте.

Да, чуть не забыл рассказать про кий. Запомните, никаких индивидуальных разборных киев. Профессионал при необходимости может запросто и шваброй шары забивать. Поэтому в течение этого года учитесь играть различными киями: длинными, короткими, кривыми, сломанными, перемотанными изолентой, с раздолбанными наклейками, в общем, любыми. Рассказываю вам это, а сам до конца ещё не уверен, хотите ли вы зарабатывать хорошие деньги подобным образом?

Я внимательно поглядел на Учителя, секунду подумал и кивнул в знак согласия.

– Раз так, продолжим постигать хитрые премудрости игры на деньги. Слушайте и запоминайте то, что сейчас изложу. Всегда изображайте из себя тёмную лошадку: никаких сложных крученых ударов, клапштосов, откатов, карамблей, абриколей. Запомните, категорически нельзя забивать три и более шара подряд. С кем бы вы ни играли, первую партию обязательно необходимо проиграть. Это своеобразная замануха. Вторую партию, по обстоятельствам, можно

тоже уступить или выиграть с перевесом в один шар, залетевший как бы дураком. Необходимо убедить соперника, что он может победить, причём легко, не особо напрягаясь. Третью партию надо обязательно выигрывать, потому как это контра, при этом необходимо резко и в нужный момент повысить ставки. Впрочем, одолеть партнёра надо с минимальным преимуществом. Делайте досадные случайные осечки, помогающие сопернику забивать шары, тем не менее, не отпускайте его далеко вперёд. Ошибки должны выглядеть естественно: не стоит переигрывать и заламывать руки. После проигрыша в третьей партии он обязательно захочет взять реванш, поэтому необходимо задрать ставки.

В четвёртой партии можно опять включить дурочку и одержать победу в последнем шаре, а лучше пойти ва-банк, предложив сопернику, что если партия окажется сухая – 8:0, то победитель получает в десять раз больше ставки. Он ни за что не поверит, что вы сможете выиграть всухую, и обязательно согласится, вот в этом случае можно раскрыться и собрать партию с кия.

Самое главное, учитеесь играть так, чтобы залетали как бы дураки, а партнёр в этом ни грамма не сомневался бы. Следующие занятия мы посвятим именно такой технике. Тут много нюансов. С завтрашнего дня забудьте классический упор, которым вы до сих пор пользовались, а просто кладите руку на стол; можно ставить кулак или ладонь на ребро, и с этого упора играть. Это не совсем удобно, впрочем, со временем

можно привыкнуть. Кстати, именно так ставил руку знаменитый в прошлом Заика. Все кругом смеялись над его упором – ладонь ребром на столе, – и не воспринимали всерьёз, наивно расслаблялись и почти всегда проигрывали.

Теперь касательно стойки. Заика забивал шары из почти вертикального положения, не ложился на стол при каждом ударе, как это делает большинство современных бильярдистов. Именно такую «неправильную» стойку необходимо освоить. В общем, Серёжа, работы много, с завтрашнего дня приступаем, – закончил Кеглевич.

– У меня один вопрос, который хотел задать в самом начале.

– Внимательно вас слушаю, – Лев Давидович взглянул на меня с улыбкой и, наверное, догадался, о чём хочу спросить.

– Я не знаю, куда поступать. В школе мне всегда нравилась биология и физика, ну ещё литература. Может, в мединститут, но там, говорят, конкурс двенадцать человек на место. Короче говоря, я в замешательстве. Что посоветуете?

– Подавайте документы в мединститут, а за вступительные экзамены не волнуйтесь, помогу.

Проникшись отеческой заботой, я сразу успокоился. Моё будущее начинало понемногу вырисовываться, тем более, я оказался в руках опытного наставника и друга.

ПАРАГРАФ 3. СПОРТИВНЫЙ БИЛЬЯРД

Возвращаемся из прошлого. Если не забыли, я даю интервью телеканалу ТВ-2, в котором ушлый молодой корреспондент от спортивной редакции задаёт мне разные неудобные вопросы.

– Сергей Александрович, ответьте, пожалуйста, какое у вас спортивное звание в бильярде и за что его получили?

– Кандидат в мастера спорта. Звание присвоено мне в 1994-м году, в возрасте 37 лет, получено после того, как выиграл первенство Томской области по «американке», и в том же году занял третье место на кубке Сибири.

Корреспондент снова заглянул в блокнот и решился на каверзный, по его мнению, вопрос:

– Сергей Александрович, уровень вашей игры вполне тянет на звание заслуженного мастера спорта. Вам не обидно?

Сдерживая нахлынувшие эмоции, я ответил предельно спокойно:

– Обидно другое: русский бильярд находится в застойном состоянии и стоит на голове, а не на ногах. Спортивные звания, по моему глубокому убеждению – это всего лишь бильярдные понты, зачем-то необходимые молодым бильярдистам. Может быть, регалии повышают их самооценку в собственных глазах и увеличивают значимость в глазах много-

численных лохов, которых эти мастера спорта всех категорий, вплоть до ЗМС, разводят в перерывах между официальными соревнованиями. Согласитесь, чисто психологически богатому снобу приятнее проиграть деньги заслуженному мастеру спорта или мастеру спорта международного класса, чем просто игроку без званий, это тешит его большое самолюбие. Для того, что бы лохи, как мухи на мёд, слетались на так называемые коммерческие турниры, и необходимы высшие спортивные звания. Другой веской причины не нахожу. Что касается несовершеннолетних игроков, так называемого «детского сада», нагло ринувшихся во взрослый бильярд, это вопрос к тренерам детей и к родителям маленьких бильярдных рабов. Уверен, дети до шестнадцати обязаны проводить свой чемпионат, юноши и девушки до восемнадцати должны состязаться между собой, а дальше – взрослая лига. Такой закон необходим для всех, без каких-либо исключений.

– Весьма откровенное заявление, – молвил несколько удивлённый корреспондент. – Хотелось бы вернуться к первоначальному вопросу. Сергей Александрович, почему вы всего лишь кандидат в мастера спорта?

– Если вы настаиваете, отвечу, однако мои слова будут весьма неприятны некоторым игрокам и чиновникам Федерации бильярдного спорта России. Играл я в основном в коммерческих турнирах, иногда криминальных, полуподпольных, и никогда не делился выигрышем с чиновниками.

Скорее всего, вы не в курсе, тогда я поясню. Чтобы участвовать в каком-либо турнире, необходимо получить разрешение местной федерации или ФБСР. Приходит игрок в федерацию за разрешением, а ему открытым текстом говорят: «Хорошо, участвуй, только половину выигрыша прине­сёшь сюда, а если нет, организуем тебе красный свет на всех направлениях». Большинство от безнадёги делились выиг­рышем, некоторые просто не играли. Такие, как я, а нас было меньшинство, участвовали в любых турнирах, не де­лясь выигрышем. За такое своеволие Федерация перекрыва­ла мне кислород: на чемпионаты мира и Европы не допуска­ли, в сборную не включали, звания занижали, в общем, опу­скали под плинтус. Поэтому я пожизненный кандидат в ма­стера спорта. Знаю мастеров спорта международного класса, даже одного заслуженного мастера спорта, которые до сих пор вылизывают все места чиновникам. Эти слова, вы, ско­рее всего, вырежете!

– Сергей Александрович, давайте плавно перейдём к те­ме о коммерческой игре. Вопрос: зачем русскому бильярду нужна так называемая коммерция?

Немного подумав, я ответил:

– Смотря что вы понимаете под коммерцией. Когда лю­бой приходит с улицы, отдаёт сто долларов – взнос, и иг­рает в турнире, это одно. Ежели два сильных бильярдиста или несколько игроков устраивают подпольный турнир с то­тализатором, это уже другая коммерция. Спортсмены приез-

жают на чемпионат мира: днём играют официальные встречи, а по ночам катают всех желающих, это уже третья коммерция. И четвёртый вид коммерции: спортсмен, абсолютно не скрываясь, участвует в официальных чемпионатах всех уровней, одновременно шныряет по клубам и чешет всех желающих, то это уже совсем другая коммерция.

Как ни крути, подобная деятельность выгодна всем: организаторы специально держат призовые фонды спортивных турниров на предельно низком уровне, вынуждая бильярдистов заниматься бизнесом, от которого те отстёгивают чиновникам мзду. Существует постоянное недовольство, тем не менее, чтобы хоть как-то выжить, играют и жульничают. Спонсоры платят копейки, однако получают халявную рекламу по полной программе, и пошло – поехало. Круг замкнулся. Поэтому коммерция в русском бильярде бессмертна, как мафия. Так будет продолжаться довольно долго, пока каждый не решит для себя, кто он – спортсмен или катала, любитель или профессионал? Вот такой откровенный ответ на ваш вопрос, – еле-еле сдерживая эмоции, ответил я.

Корреспондент, немного подумав, спросил:

– Если, по вашим словам, всё так плохо, почему же тогда популярность бильярда растёт, тысячи, а может и сотни тысяч детей занимаются в специализированных школах?

– Вопрос, конечно, интересный. Без сомнения, у подавляющего большинства нет полной информации о состоянии дел в русском бильярде. Руководители ФБСР выдают сла-

деньские интервью продажным журналистам, а хороших специалистов, болеющих душой за будущее бильярда, шельмуют, оплёвывают и обзывают интриганами. Папы и мамы будущих чемпионов удивились бы, узнав, что их детей ожидает роль циничных катал. Вы правы, бильярд в России на подъёме, тем не менее, он неуклонно превращается в модный и элитный вид спорта, ведь отдавать ребёнка в бильярдную школу дорого и совершенно не по карману обычному обывателю. Думаю, через несколько лет в этих школах останутся отпрыски состоятельных родителей, а бильярдные клубы, появляющиеся десятками тысяч по всей стране, ожидает неминуемый упадок, поскольку скоро подобных заведений станет гораздо больше, чем людей, желающих в них ходить, — с грустным выражением закончил я.

ЧАСТЬ 2. КАТАЛЫ

ПАРАГРАФ 1. ПЕРВЫЕ ГАСТРОЛИ

Без особых проблем я поступил в мединститут на лечебный факультет, по наставлению Кеглевича записался в научный студенческий кружок при НИИ гематологии. Два-три раза в неделю, наведываясь в бильярдную Дома Учёных, познавал премудрости игры. Всё шло своим чередом, однако постоянно не хватало денег на пятничную игру, поэтому я устроился ночным сторожем в студенческую столовую. Сие оказалось весьма кстати, и не только в финансовом плане; работа сторожа начиналась в девять вечера и заключалась в разгрузке двух десятков ящиков с молоком, двух-трёх фляг со сметаной и свежим творогом. Машина прибывала в час-два ночи, поэтому было много времени, чтобы я мог читать конспекты и готовиться к семинарам. Режим – две ночи работать, две отдыхать, меня вполне устраивал, тем более столовая находилась в центре, на одном пяточке с моим домом, мединститутом и бильярдной, и за это платили 120 рублей, неплохие деньги для студента, живущего на всём готовом. По пятницам в столовой, как правило, играли студенческие свадьбы, проходили проводы на пенсию, какие-то другие мероприятия: значит можно являться на службу к 12-ти ночи,

а до этого спокойно играть в бильярд.

Втянувшись в новый ритм жизни, я не заметил, как пролетел год. Летнюю сессию сдал досрочно и в середине июня был переведён на второй курс. Впереди ожидалось бурное лето и долгожданные гастроли. В конце июня под Москвой в небольшом научном городке Менделеево открывался очередной симпозиум по гематологии. Недолго думая, Лев Давидович накатал доклад, в авторы поставил мою фамилию, отправил его в оргкомитет и через неделю получил приглашение на двух авторов.

Преступная группа в составе Льва Давидовича и двадцатилетнего начинающего каталы готовилась впервые отправиться на гастроли за счёт мединститута. С напарником в столовой я договорился на недельную подмену, командировочные получены, чемоданы упакованы и, взяв билеты на 27-е июня, мы вылетели в столицу.

Аэропорт «Домодедово» показался огромным городом с эскалаторами, многочисленными магазинами и залами ожидания. В Москве я был в первый раз. Голова шла кругом. Если бы не Кеглевич, точно заблудился бы. В аэропорту сели в пригородный автобус и двинулись в небольшой городок Менделеево. Ехали долго и нудно, в полудрёме.

Подмосковный посёлок похож на Новосибирский академгородок, затерявшийся в сосновой роще: такие же корпуса, жилые дома, тропинки. Чудесное место для отдыха и прогулок. Номера в гостинице заранее забронированы, посему на-

ше заселение прошло быстро и буднично. Конференция открывалась только через день, следовательно, мы имели некоторое время для акклиматизации. Нас поселили в большой двухместный номер: спальную занял профессор, а я устроился на огромном диване в гостиной.

Пока всё шло лучше некуда. Кеглевич тут же созвонился с прикормленными маклерами, мы не спеша прогулялись до ресторана, вкусно пообедали, вернувшись в номер, ещё раз обсудили сценарий, так сказать, стратегию поведения на завтра и вышли подышать Подмосковьем. В отличие от загазованной Москвы воздух здесь ощущался по настоящему свежим, головокружительным, с запахом сосен, аллеи пусты, в этот час учёные-химики – основное население Менделеева – ещё ставили опыты в лабораториях, ведь для них сегодня будний день. Вечером посмотрели программу «Время» и, уставшие от впечатлений, завалились спать.

С утра надвигались напряжённые будни. Лев Давидович, переодевшись в пижаму, храпел всюю, а я долго не мог уснуть, ворочался, лежал с открытыми глазами, размышлял о предстоящей игре.

Утром следующего дня мы уже тряслись в полупустом автобусе по направлению к Москве, слева остался молодёжный Зеленоград, справа промелькнула какая-то деревенька. Всё катилось по намеченному плану. После полудня мы остановились на небольшой улочке старого Арбата, где в подвале одного из домов прятался полуподпольный бильярдный

клуб.

– Днём народу в бильярдной обычно не много, обыгрывай всех, однако не забывай следить за маркером, если тот чешет репу, то это твой клиент, если же нет, не начинай вообще или быстренько сливай игру, – отдавал последние распоряжения Кеглевич. – На всё про всё тебе два часа, ровно в пять мой выход. Не увлекайся и поглядывай на часы.

В предстоящем спектакле мне отводилась роль молодого, дерзкого и наглого денди, у которого папа то ли посол в Англии, то ли какая-то шишка в министерстве иностранных дел, в общем, я типичный представитель золотой молодёжи. Прикид соответствующий – модные потёртые штаны фирмы «Супер Райфл» и джинсовая куртка «Ренглер», на ногах кроссовки «Адидас».

Лев Давидович, не доходя двух домов до заветного поворота, свернул в магазин, а я твёрдой походкой направился к своему дебюту. Спустившись по лестнице, продефилировал мимо бильярдных столов и вальяжно устроился на высоком стуле у стойки бара.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.